

А. А. Лавицкий
г. Витебск

СТРАТЕГИЯ НИВЕЛИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ РИСКОВ В СОВРЕМЕННОМ БЕЛОРУССКОМ ДЕСТРУКТИВНОМ ДИСКУРСЕ

***Аннотация.** Трансформационные изменения коммуникативного пространства нашли свое отражение в социолингвистических, генристических и собственно языковых характеристиках деструктивного дискурса. В первом случае активно проявилась унификация рассматриваемой дискурсивной практики. Жанровые изменения нашли отражение в мультипликативности и креолизации текстовых форм. На уровне стилистики современный деструктивный дискурс характеризуется «усилением позиций» обценной лексики и игнорированием категории формальной грамотности. Интерес также вызывает прагматика деструктивного дискурса, в частности стратегия нивелирования правовых рисков. Используемый нами фактический материал позволил выделить несколько тактик реализации обозначенной стратегии (деавторизация, субъективизация, автореабилитация, замены лексических единиц), примеры которых представлены в статье.*

***Ключевые слова:** деструктивный дискурс, юрислингвистика, коммуникативная стратегия, нивелирование правовых рисков.*

A. A. Lavitski
Vitebsk

STRATEGY OF LEVELING LEGAL RISKS IN THE MODERN BELARUSIAN DESTRUCTIVE DISCOURSE

***Abstract.** Transformational changes in the communicative space are reflected in the sociolinguistic, genetic and linguistic characteristics of destructive discourse. In the first case, the unification of the considered discursive practice was actively manifested. Genre changes are reflected in the multiplicativity and creolization of text forms. At the stylistic level, modern destructive discourse is characterized by the “strengthening of positions” of obscene vocabulary and ignorance of the category of formal literacy. Interest is also aroused by the pragmatics of destructive discourse, in particular the strategy of leveling legal risks. The factual material we used made it possible to single out several tactics for implementing the indicated strategy (deauthorization, subjectivization, autorehabilitation, replacement of lexical units), examples of which are presented in the article.*

***Key words:** destructive discourse, legal linguistics, communication strategy, leveling of legal risks.*

Концептуальные и системные трансформации языкового пространства прослеживаются как на глобальном, так и региональном уровнях. В первую очередь, изменения проявились в цифровой специфике коммуникативных потоков. Сама тенденция диджитализации не является новой для большинства дискурсов, а смещение акцентов в сторону интерактивности общения активно проявляет себя в течение нескольких последних десятилетий. Однако технологичность современных Интернет-сообществ, Digital Society, Smart Society помогла им вступить в новую фазу своего развития. Смарт-технологии воспринимаются сегодня не только как инновационная среда, обеспечивающая цифровизацию текстового материала, но и как образ жизни, в котором многие социальные функции человека, в том числе общение уже не являются прерогативой Homo Sapiens. Smart Society имеет еще более амбициозную цель – стать основой развития человеческого

капитала, привести качественные изменения в сознание, нормы поведения и идентификации людей. Очевидно, что такая digital-экспансия в социальные отношения повлекла изменения в регулировании интерактивного пространства. Здесь изменились некоторые «правила игры»: сохранение конфиденциальности, для которой раньше достаточно было наличие Nickname, уже практически нереализуемая функция, а участие в социальных контактах требует минимальной авторизации (посредством телефонного номера, электронной почты и т.д.). Достаточно серьезной ревизии были подвергнуты и правовые основы опосредованного коммуникативного взаимодействия. Думается, что вопросы юридической нормализации виртуальной коммуникации связаны, прежде всего, с проявлением ее негативного влияния. Неслучайно основным объектом исследовательского внимания, связанного с изучением деструктивного дискурса, стали социальные сети и социальные мессенджеры.

Самым серьезным трансформациям подвергся и сам деструктивный текст. Во-первых, изменились его генристические характеристики: современный языковой материал тяготеет к мультипликативности и креолизации, а также публичности. Иными словами, наблюдается «сжатие» текста с одновременным вытеснением его аналитической составляющей, а информационное насыщение зависит от количества информации и скорости ее восприятия. Креолизация деструктивного дискурса актуализируется в поликодовости текстовых данных. Это отвечает как собственно большинству концепций организации и функционирования сетевых платформ, так и специфике мультипликативности языкового мышления – доминанты современных когнитивных процессов, а также содействует усилению плотности информации, так как «наибольшая часть социально значимых, богатых и существенных для общества знаковых систем ориентирована на восприятие посредством зрения и слуха» [1, с. 323]. Тенденция к публичности деструктивного текста является следствием развития технологичности пространства опосредованной социальной коммуникации (организация открытых групп и сообществ). Кроме того, значимым является и личность адресанта – чем более публична эта личность, тем чаще содержание ее речевой деятельности подвергается обсуждению: «каждое сказанное публичным человеком слово многократно цитируется и оценивается» [3, с. 9].

Во-вторых, следует обозначить изменения социолингвистических характеристик деструктивного текста. При аксиоматическом факте постоянного увеличения активной аудитории социальных сетей и мессенджеров наблюдается юнивелизация их деструктивных проявлений. Это общая коммуникативная тенденция продвижения ювенильного стиля поведения [2, с. 19]. Молодые люди тяготеют к доминированию в smart-коммуникации. На языковом уровне это проявилось в активном использовании молодежного сленга, неологизмов и инвективов.

В-третьих, внимания заслуживает стилистика и нормативность современного деструктивного текста. Обозначенное выше проникновение в публичное речевое взаимодействие обценных единиц, по мнению В. И. Жельвиса, не только служит усилению стилистической экспрессии,

но и помогает сокращению социальной дистанции и установления коммуникативного контакта [4, с. 349]. Данная функция экстраполируется и на категорию нормативности текстового материала. В частности, проявление игнорирования языковой грамотности, согласно нашим наблюдениям, зачастую обусловлено не только личностью автора текста, но и стремлением к социальному маркированию – адресованности речевого высказывания. Иными словами, автор такой речи воспринимается как «свой» для определенной группы.

Представленный краткий обзор специфики современного деструктивного текста и тенденций его функционирования в виртуальном коммуникативном пространстве важен для рассмотрения обозначенной в заглавии настоящей статьи проблемы, так как собранный нами фактический материал является конфликтогенными текстами, размещенными в социальных сетях и мессенджерах. Это языковой материал деструктивного дискурса. Кроме того, наше исследование подготовлено в русле юрислингвистического направления, в частности судебной лингвистической экспертологии, для которой важны не только текстовые данные, но и их максимально широкий контекст, включая характеристики субъектов коммуникации, ситуации общения, канал речевого взаимодействия и т.д.

Наши наблюдения показывают, что можно выделить два типа авторов современного деструктивного текста. К первой группе мы относим адресатов текста, которые вступают в непосредственное речевое взаимодействие. Получая информационный повод, они чаще всего дают ему оценочную характеристику в виде высказываний, которые обычно эмоционально окрашены. Основной площадкой их речевой деятельности выступают социальные сети и мессенджеры, Интернет-форумы и др. Такие авторы зачастую пренебрегают правовыми нормами регламентации коммуникативного взаимодействия. Вторая группа авторов, тексты которой и попали в фокус нашего исследовательского внимания, являют собой профессиональных специалистов (копирайтеров). Их роль в речевом общении сводится к выполнению функции адресанта, а создаваемые ими тексты содержат те самые информационные поводы, заставляющие первую группу авторов включаться в процесс коммуникации. Это авторы, умеющие подавать грамотно с юридической точки зрения языковой материал. Они реализуют одну из значимых общих коммуникативных стратегий современного деструктивного дискурса – нивелирование правовых рисков.

Любая коммуникативная стратегия реализуется посредством набора речевых тактик. В собранном нами фактическом материале (10 прецедентных деструктивных текста за 2020–2021 гг.) обнаруживается четыре типа таких тактик. Остановимся подробнее на их характеристиках.

Тактика деавторизации. Использование данного коммуникативного приема позволяет снять правовую ответственность с адресанта за достоверность информации. Данная тактика чаще всего связана с необходимостью ухода от юридических рисков, сопряженных с ответственностью за распространение недостоверных фактов, распространением клеветы. На языковом уровне тактика реализуется посредством использования конструкций,

апеллирующих к обезличенному автору (*Я не раз слышал; Наши читатели сообщают; Эксперты полагают* и др.), безличных глагольных сказуемых (*Как стало известно; Нам сообщили; Известно, что* и др.).

Тактика субъективизации используется в изученном материале чаще всего для скрытия фактологичности речевого высказывания. В этом случае текст рассматривается как высказывание мнения, то есть не может подвергаться лингвоправовой экспертной оценке. Для реализации обозначенной тактики авторы чаще всего прибегают к использованию вводных конструкций (*Думается; Наверное; Полагаем* и др.). Данный прием позволяет нивелировать правовые риски, связанные с совершением оскорбления и клеветы. Кроме того, нами было обнаружено два примера использования частицы *бы* в качестве способа субъективизации экстремистского призыва: *Следовало бы резать головы; Убить бы*).

Тактика автореабилитации чаще всего встречается в текстах периодических сетевых изданий и реализуется как компонент ухода от правовых рисков, связанных с проявлением клеветы. Языковым маркером реализации тактики является использование речевых высказываний с семантикой извинения (прагматически формального): *Не хотелось бы обидеть; Не ставим под сомнение; Не имеем в виду* и т.д.

Тактика замены лексических единиц не частотна в изученном фактическом материале и представляет собой прием использования стилистически схожих лексических единиц взамен «юридически нежелательных»: *Он походит на человека, чьи поступки дискредитируют весь чиновничьей* (орфография сохранена – прим. наше) *аппарат* («походит» вместо «является»); *Он – редкостный представитель братьев наших меньших* (вместо «Он – животное»). Прибегая к использованию тактики замены лексических единиц, автор может нивелировать правовые риски, обусловленные возможностью нанесения оскорбления.

Таким образом, современный белорусский деструктивный текст чаще всего функционирует в коммуникативном пространстве социальных сетей, мессенджеров и различных Интернет-платформ. Его отличительными характеристиками являются смещение генристических акцентов в сторону креолизации текстового материала и мультипликативности жанровых форм (тяготение к малым по объему, но информационно насыщенным текстам и вытеснение аналитической составляющей). Развитие отрасли smart- и digital-технологий повлияло на активизацию публичности всего изучаемого типа дискурсивной практики. Особыми характеристиками обладает и современная языковая личность – участника деструктивной коммуникации. Его социолингвистический портрет отличается ювенильным стилем поведения, в том числе и речевого, что проявилось в нивелировании категории формальной языковой грамотности. Однако массовый субъект деструктивного дискурса отличается от авторов-копирайтеров, чьи тексты юридически выверены и лишены лингвистических признаков правонарушения. Это является следствием использования стратегии нивелирования правовых рисков, которая, по нашему мнению, является доминирующей при профессиональной подготовке деструктивного текста.

Стратегия ухода от правовых рисков реализуется набором тактик. Фактический исследовательский материал позволил выявить четыре таких тактики: деавторизации, субъективизации, автореабилитации, замены лексических единиц. Каждая из тактик имеет целевое функциональное назначение и может быть использована при необходимости нивелировать риски, связанные с потенциальным совершением таких противоправных деяний, как оскорбление, клевета, проявление экстремизма и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Якобсон, Р. О. Язык в отношении к другим системам коммуникации / Р. О. Якобсон. – М. : Наука, 1985. – 460 с.
2. Карасик, В. И., Слышкин, Г. Г. Тенденции развития современного дискурса / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический выпуск: Многомерность дискурса. – 2021. – № 1. – С. 14–31.
3. Якова, И. А. Власть дискурса медийного пространства в борьбе за номинацию / И. А. Якова // Вестн. Томск. Гос. Ун-та. Филология. – 2015. – № 3. – С. 122–134.
4. Жельвис, В. И. Поле брани : Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – М. : Ладомир, 2001. – 349 с.

REFERENCES

1. Jakobson, R. O. Jazyk v otnoshenii k drugim sistemam kommunikacii / R. O. Jakobson. – M. : Nauka, 1985. – 460 s.
2. Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. Tendencii razvitija sovremennogo diskursa / V. I. Karasik, G. G. Slyshkin // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoj lingvistiki. Tematicheskij vypusk: Mnogomernost' diskursa. – 2021. – № 1. – S. 14–31.
3. Jakova, I. A. Vlast' diskursa medijnogo prostranstva v bor'be za nominaciju / I. A. Jakova // Vestn. Tomsk. Gos. Un-ta. Filologija. – 2015. – № 3. – S. 122–134.
4. Zhel'vis, V. I. Pole brani : Skvernoslovie kak social'naja problema v jazykah i kul'turah mira / V. I. Zhel'vis. – M. : Ladomir, 2001. – 349 s.